

ТЮРКО-СОГДИЙСКИЕ СВЯЗИ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ В ОАЗИСАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.М. Маликов

В эпоху раннего средневековья на территории Центральной Азии существовали микрооазисы, жители которых образовали самобытные культуры, поддерживая тесные связи с населением сопредельных регионов, и окружающими кочевыми племенами. В этот период своего блестящего развития достигла культура, созданная жителями долины Зарафшана – согдийцами. Неотъемлемым компонентом согдийской культуры стали инновации, внесенные прямо или косвенно тюркскими племенами. Изучение этого процесса и его содержания наталкивается на несколько препятствий, связанных с такими проблемами как историко-географические границы Согда, согдийской культуры и широта распространенности самоназвания «согдийцы», содержание термина «тюрк» в зависимости от контекста применения.

На наш взгляд, происходила трансформация названия «тюрк» или использование его в зависимости от исторических событий, политического, географического, культурного контекста. Первоначально слово «тюрк» означало определенное племя или группу племен в районе Алтая, а затем с созданием политического образования, название получило более широкое распространение, пока не превратилось в политоним, обозначавший все подвластное Тюркскому каганату население степей [Кляшторный 2006: 16]. В дальнейшем слово «тюрк» стало многозначным, и применялось как в лингвистическом плане, обозначая тюркоязычные племена и народы, так и в зависимости от исторической ситуации и обстоятельств. По мнению некоторых исследователей, тюркизация в Среднеазиатском междуречье за всю историю, подразумевала не миграцию значительного числа тюркского населения в регион, а тюркизацию по языку ираноязычного населения [Bregel 1991: 54]. На наш взгляд, процесс тюркизации населения Среднеазиатского междуречья начался еще до прихода алтайских тюрков в регион.

При использовании термина «тюрко-согдийский симбиоз», который уже вошел в научную терминологию [Vaissière 2005: 199; Muzio 2010: 429], следует учитывать вышеуказанные особенности терминов «тюрк» и «согдиец». При исследовании согдийско-тюркских взаимодействий важен также мировой опыт по изучению взаимодействий между кочевым миром и оседлым населением.

Внешний мир по отношению кномадам выступал не пассивным фоном, а активной силой взаимодействия [Хазанов 2002: 323]. Эти взаимодействия зависели от следующих факторов: степени экономической зависимости кочевников от оседлых через торговое посредничество последних; приглашением оседлой аристократией отдельных групп номадов в пределы оазисов для усиления своей военной мощи [Хазанов 2002: 344 – 347]; процессом седентаризации номадов и его последствиями; развития ремесел при участии оседлых жителей у кочевников и их

связей с оседлым миром; выплатой регулярной дани кочевникам со стороны оседлых владений и др.

Все еще продолжаются дискуссии о границах Согда. Исследователи считают, что Согд являлся историко-культурной областью, первоначально включавшей долину среднего Зарафшана, а позже Кашкадарью и Бухарскую область [Ртвеладзе 2005: 19]. В политическом плане Согд не представлял собой единого целого, а был разделен на ряд мелких государств, которые образовывали различные союзы или чаще подчинялись своим более могущественным соседям. Важнейшим из согдийских княжеств было самаркандское владение, правители которого назывались *ихшид*. Начиная с IV в. источники говорят о союзе шести согдийских государств: Самарканд, Маймург (в районе современного Ургута), Кабудан, Бухара, Кушания (вероятно, было в районе Каттакургана) и Кеш [Малявкин 1989: 222].

Хотя лингвистически население Бухарского оазиса, Кашкадарьи, и Самаркандского оазиса говорило на согдийском языке, в согдийских источниках IV – VIII вв. «согдийцами» называли только самаркандцев и пенджикентцев, но не бухарцев и кешцев т.е. они не рассматривали друг друга единым народом [Лившиц 2008: 191 – 192]. Отметим, что авторы древнетюркских надписей отличали согдийцев (*sogdaq*) от бухарцев (*buqaraq*) [Кляшторный 2011: 199]. В китайских источниках согдийцы распознаются как жители Самарканда (Кан), Кеша, Бухары, Кушании, Маймурга (Ми), Иштихана (Цао), что вероятно, было связано с политической структурой Согда. Некоторые исследователи считают, что население трех частей Согда, Бухарского, Самаркандского и Кашкадарьинского, было этнически однородным и культурно близким [Шишкина, Сулейманов, Кошеленко 1985: 273]. На наш взгляд, концепция мульти-идентичности помогает понять сложившуюся, но вместе с тем подверженную изменениям ситуацию. На наш взгляд, население этих трех областей представляло собой региональные группы, рассматриваемых в некоторых источниках под единым названием «согдийцы». С другой стороны, возможно, имело место применение как региональной, так и межрегиональной идентичности в форме «согдиец». Надо отметить, что бухарцы, самаркандцы, кешцы, кушанийцы, маймургцы и другие региональные группы в китайских городах или согдийских поселениях в Китае не держались обособленно, а заключали браки друг с другом, шел процесс культурного сближения с местным населением [Skaff 2003: 479].

При характеристике согдийской культуры некоторые исследователи применяют термин «согдийская цивилизация», период существования которой хронологически ограничивают IV – IX вв. н.э. [Ставиский 2004: 45]. Под термином «цивилизация» узбекистанские исследователи понимают своеобразную и целостную совокупность (систему) природно-климатических, экономических, национальных, культурных, духовных условий и связей в обществе, формирующую особый тип общества и государства [Ртвеладзе, Саидов, Абдуллаев 2000: 18]. Термин «согдийская цивилизация» получил поддержку у таких исследователей как: Ф.Грене, Э.Ртвеладзе [Ртвеладзе 2005: 233], В.М.Массон [Массон 2006: 233], Б.Я.Ставиский [Ставиский 2004: 45], А.Хакимов [Хакимов 2004] и др. Характерными чертами согдийской цивилизации были:

урбанистический образ жизни, высокий уровень просвещенности и интеллектуального развития, богатая художественная школа и др. [Массон 2006: 241]. По мнению некоторых исследователей, формирование многочисленной тюрко-согдийской диаспоры, являлось одним из факторов, влиявших на облик согдийской цивилизации [Ставиский 2004: 45].

Каковы были географические масштабы распространения согдийской цивилизации? На наш взгляд, кроме территории Согда в широком понимании этого слова, согдийская цивилизация охватывала поселения на территории Семиречья, Уструшаны, Ташкентского оазиса, Средней Сырдарьи и частично Западного Китая. Кроме этого, сами согдийцы испытывали влияние окружающих народов и культур, например, индийцев, Сасанидского Ирана, христиан-миссионеров и др.

Согд находился в контактной зоне древних оседлых земледельцев и кочевых скотоводов. В первой пол. I тыс. н.э. в Согде возрастает роль кочевых групп населения. Помимо кочевых родов, традиционно кочевавших в степных районах Согда, в этот период происходит миграция новых групп населения, следовавших кочевому образу жизни. Переселение кочевых групп в долину Среднего Зарафшана фиксируется в археологическом материале. С IV вв. н.э. здесь распространяется каунчинская культура кочевников, продвинувшихся из бассейна Средней Сырдарьи. По мнению некоторых ученых, согдийская культура испытала сильное влияние каунчинской культуры присырдарьинских территорий [Массон 2006: 242], которые, в свою очередь, ранее были подвержены влиянию традиций племен, в т.ч. тюркоязычных родов, мигрировавших с восточных областей Центральной Азии. Таким образом, к моменту включения Согда в состав Тюркского каганата в составе его населения уже имелся тюркоязычный компонент, что подтверждается, в частности, бактрийской надписью на печати кидаритов, сделанной в V в. в Самарканде, содержащей титул правителя: «Оглар хун». Термин «оглар» исследователи считают тюркским по происхождению [Vaissiere 2007: 129 – 130]. По мнению некоторых исследователей, имя вождя эфталитов – Хингила или Эшкингилла (правил в 430/440 – 490 гг.) этимологически восходило к тюркскому языку [Vaissière 2003: 129].

По всей вероятности, согдийские купцы, торговавшие на трассах Великого шелкового пути, еще с IV-VI вв. вступили в контакты с тюркскими племенами. Большую роль во взаимодействии кочевников и оседлых жителей сыграла колонизационная деятельность согдийцев в Семиречье и Китае, причем согдийцы жили во всех больших городах Северного Китая [Vaissiere 2005: 103], причем на территории внутренних районов Китая согдийцы нередко были тюркизированы [Pulleyblank 1952: 317]. По мнению К.Шаниязова, в присырдарьинских территориях, где к II в. до н.э. уже проживало тюркоязычное население (хунны, усунь, кангары) с II в. до н.э. – I в. н.э. начался процесс тюркизации согдийцев [Шониёзов 2001: 120 – 123]. Определенный вклад в развитие согдо-тюркских связей внесли согдийцы-миссионеры, проповедовавшие буддизм, манихейство и христианство [Marshak 2002: 3], в т.ч. среди тюркских племен.

Создание Тюркского каганата сыграло значительную роль в сложных процессах политического, экономического и культурного развития народов

центральной Евразии. В 563 – 567 гг. тюрки разгромили эфталитов и Согд вошел в состав Тюркского каганата, охватывавшего территорию от Кореи на востоке до Черного моря на западе. По мнению исследователей, тюрки Тюркского каганата создали самобытную древнетюркскую цивилизацию [Кляшторный 2006: 564]. Тюрко-согдийские взаимодействия, таким образом, можно изучать и в контексте цивилизационных контактов. Древнетюркская цивилизация была ближе к согдийской цивилизации, чем дальневосточной – китайской, хотя и испытала её влияние. Следует подчеркнуть, что в состав Тюркского каганата входили различные тюркоязычные племена в числе которых были тюрки-*тугю* или создатели каганата, карлуки, тюргеши, тухсы, халаджи и др. По мнению исследователей, в I тыс. н.э. происходит формирование культурных традиций, связанных с собственно тюркским, огузским, кыргызским и кыпчакским этногенезом [Кляшторный, Савинов 1990: 102]. Собственно тюркские культурные традиции были представлены достижениями алтайских тюрков. Изучение истоков формирования древнетюркской культуры, характерного обряда захоронения с конем, показывает, что значительную роль в этногенезе тюрков-*тугю* сыграли алтайские племена при тесном взаимодействии и взаимовлиянии с группами населения, проникавшими на Алтай из разных областей Центральной Азии [Маликов 2000].

Одним из первых вопрос о влиянии тюрков на согдийскую культуру поднимал А.Н.Бернштам [Бернштам 1952: 32]. Он попытался связать появление растительных орнаментов на оссуариях и изменение самих оссуариев по подобию форм кочевнических кибиток с тюркским влиянием [Бернштам 1950: 81]. Тюрко-согдийские взаимовлияния в искусстве, их проявления были предметом исследования Б.И.Маршака, который в частности полагал, что в согдийском и древнетюркском искусстве было воплощение в образах животных черт героического идеала [Маршак 1971: 81]. В последнее время история тюрко-согдийских связей получила определенное обобщение [Отахужаев 2010].

На наш взгляд, тюрко-согдийские взаимоотношения следует рассматривать не только как взаимодействие двух миров кочевого и оседлого, но необходимо учитывать, что тюркское население Центральной Азии в эпоху раннего средневековья обладало своей городской культурой и использовало собственно тюркские термины: *балык* – город, *балыкдаки* – горожане, *барк* – здание [Кызласов 1987: 176]. Причем слово *балык* отмечено уже в VIII в. [Бартольд 2002: 362]. Для обозначения города использовался также термин «курган» [Кляшторный 1977: 65]. По мнению исследователей, тюрки Среднеазиатского междуречья, до прихода арабов были обитателями не только степей, но городов и сел [Frye, Sayili 1945: 315].

Общность некоторых областей материальной культуры оседлых народов Центральной Азии и тюрков была связана с известной общностью интересов согдийских городов и тюркских каганов. Колонизационная деятельность согдийцев и их международная торговля по пути, проходившим через степь, была политически выгодна и приносила доходы тюркским каганам, которые покровительствовали согдийцам. Немалое число согдийцев жило при дворе тюркских каганов [Pulleyblank 1952: 318].

Тюрко-согдийский союз создал согдийцам дополнительные возможности для торговли на огромных пространствах, покоренных тюрками. Широкие международные связи Тюркского каганата с Византией, Танской империей, Сасанидским Ираном, экономическое взаимодействие в котором согдийцы играли ведущую роль, способствовало обогащению согдийцев и притоку капитала в Согд. Согдийцы не только вели торговлю на обширном евразийском пространстве, но и создавали свои торговые колонии далеко за пределами Согда. В переговорах тюрков со странами запада, в частности Византии, согдийцы нередко были посредниками [Pulleyblank 1952: 318]. Исследователи предполагают, что возможно существовала согдийская торговая корпорация [Малявкин 1988: 53 – 54]. В раннем средневековье согдийские поселения были основаны на территории Семиречья [Бернштам 1940] и Китая.

Согдийское влияние среди тюркских племен, вошедших в состав Тюркского каганата, проявилось в частности, в следующих сферах:

согдийский язык использовался в Тюркском каганате в качестве одного из официальных, о чем свидетельствует Бугутская надпись второй пол. VI в. [Кляшторный, Лившиц 1971], а также надпись на каменном изваянии западнотюркского кагана Пай Нири кагана или Нили-кагана (ум. после 600 г.) [Stark 2009: 168];

согдийская письменность использовалась в монетных надписях тюркских государств: Тюркского [Баратова 1995], Западнотюркского [Бабаяров, Кубатин 2014], Тюркешского (699 – 766 гг.) [Смирнова 1963: 265 – 272], Карлукского (с 766 г.), Уйгурского (с 746 г.) [Лурье 2013: 221, 226] каганатов;

согдийское искусство оказало влияние на развитие канонов древнетюркской каменной скульптуры (Hayashi, 2003);

согдийская культура, сформировавшаяся на основе различных компонентов, в VI – VIII вв. стала своего рода эталоном эпохи [Массон 1990: 35], которой подражали в других оазисах Центральной Азии;

согдийцы были посредниками в культурном трансфере культурных стилей из южных и западных стран в тюркскую среду. Например, головной убор каменного изваяния западнотюркского кагана VII в. отразил влияние индийских традиций [Stark 2009: 122].

Немалую роль в тюрко-согдийских связях играл процесс миграции алтайских тюрков и других тюркоязычных групп населения в пределы Согда. Наиболее ранние сведения о роли тюрков в этнополитической истории Согда относятся к 580-м гг. Известно, что в 587 г. после подавления восстания Абряя войсками тюркского принца, сына Кара Чурина, Йанг Соух тегина (Эль-Арслана или Шир-и Кишвара, согласно Наршахи), он был утвержден владельцем Бухарского оазиса. После него Бухарой в 589 – 603 гг. правил его сын Нили (Пармуда по Фирдоуси, Бал'ами, Йал-тегин – по Динавари). После него правил сын Басы тегин (603 – 604 гг.) [Гумилев 1967: 74, 142]. Вероятно, династии тюркского происхождения правили Бухарой продолжительный период, однако нам известны имена только отдельных представителей. Так во второй четверти VII в. Бухарой и Пайкендом управлял тюркский царевич племянник Тон йабгу-кагана Нишу Кана шад. В период правления Тон йабгу-кагана (618-630) усилилась центральная

власть. Во все подвластные владения были посланы уполномоченные кагана – *тудуны*, которым вменялся контроль над сбором податей и посылкой дани в каганскую ставку. С наиболее сильным владельцем в Средней Азии – владельцем Согда Тон йабгу-каган установил родственные отношения – выдал за него свою дочь.

После падения Западнотюркского каганата в 658 г. в Среднеазиатском междуречье возрастает влияние Танской империи. Образование Тюркешского каганата во главе с Уч-элигом в 699 г. [Кляшторный, Савинов 2005: 101] вновь привело к росту политического влияния тюркских кочевых групп населения в Семиречье, оазисах Среднеазиатского междуречья. В частности, самаркандский *ихшид* признавал себя *чакаром* – воином тюркешского кагана [Stark 2008: 168].

Многочисленные упоминания тюрков мы встречаем в арабо-персидских источниках, описывающих походы арабов в Среднюю Азию, в Согд и прилегающие области.

Некоторые самаркандские *ихшиды* имели тюрко-согдийские корни. Согласно данным известного ученого-энциклопедиста XII в. Наджм ад-Дина Абу Хафса ан-Насафи владетель Согда Гурек (710 – 738 гг.), имел тюркские корни. Из родословной, приведенной ан-Насафи, следует, что сын Гурека носил тюркское имя Баничур или Йаначур, а его внук – тюркское имя Тархун. Внук последнего также носил тюркское имя Туркаш Таки [Камалиддинов 1997: 91].

Тюрки, составляя часть политической элиты согдийских владений, нередко управляли городками и небольшими княжествами. По данным нумизматики и документов с горы Муг установлено, что в конце VII – нач. VIII вв. Пенджикентом управлял тюркский правитель Чекин Чур Бильге (694 – 709 гг.) При чем с его именем связан обильный выпуск монет, которых на Пенджикентском городище найдено в 3 раза больше, чем других монет [Смирнова 1981: 48]. Не исключено, что еще до Чекин Чур Бильге, в первой пол. VII в. правитель Пенджикента был лицом тюркского происхождения. На монетах, выпущенных последним, на лицевой стороне слева изображена рунообразная *тамга*, зафиксированная, в частности, на керамике из Саркела (тюркское *оq* – «стрела») [Смирнова 1981: 47]. По данным ат-Табари, владельцем Файйа (*рустак* Согда на канале Нарпай) в нач. VIII в. был тюрк Турк хақан [Табари 1987: 178]. В 740 – 745 гг. Кабуданом (Иштиханом) управлял Кара-Бугра, вероятно, также тюркского происхождения [Смирнова 1981: 425, 428]. В VIII в. правителем-*маликом* Хузара (Кеш) был тюрк Субугра. Тюркские правители Согда выпускали свои монеты. По мнению О.И. Смирновой, тюркскими правителями Бухарского оазиса в сер. VIII в. была выпущена группа тюрко-согдийских монет с надписью «владыки хакана деньга» [Смирнова 1981: 59].

В Нахшебе на определенном этапе (VII – VIII вв.) меняется иконография монетного типа, вместо *тамги* появляется лицо тюркского облика. Судя по этому изображению, в Нахшебе правителем был тюрк [Баратова 1995: 19]. Тюркское имя носил правитель Бухары в нач. VIII в. – Тугшада [Шювен 1995: 36]. Имя правителя Иштихана в нач. VIII в. Карзанджа некоторые исследователи интерпретируют как тюркское «Кара-занги». У ат-Табари он назван одним из вождей тюрков [Кадырова 1965: 79 – 80]. Некоторые *дихкане* – представители

землевладельческой знати Южного Согда – Нахшеба, служили вместе со своими воинами тюркешским каганам, которые использовали их для снижения межплеменных противоречий и нейтрализации оппозиции [Stark 2008: 168 – 169].

Определенная часть тюрков влилась в VI – VIII вв. в состав согдийской знати и аппарата управления. В одном из мугских документов фиксируется тюркский титул чиновника «тархан» при дворе пенджикентского правителя. Там же встречается чисто тюркское слово «sozum» – «мой приказ» [Лившиц 1962: 29, 55], которое использовалось в среднеазиатских документах эпохи средневековья.

Мугские документы № 3 и 4 фиксируют брак Ут тегина, представителя тюркской знати, с согдианкой, причем, как можно судить по документу Б-1, Ут тегин был тесно связан с двором пенджикентского правителя Диваштича. В ряде хозяйственных документов упоминаются представители отдельных тюркских племен и племенных конфедераций («тардуш», «туркмен»), а также лица, носящие тюркские имена. Имя писца Диваштича было Турк или Турак [Лившиц 1962: 62]. Фрамандар – управляющий дворцовым хозяйством был также лицом тюркского происхождения [Лившиц 1962: 132, 133]. В Пенджикенте был обнаружен фрагмент черновика письма или документа на согдийском языке, текст которого содержит тюркское имя Туркаш. Надпись датируется 750-м годом [Marshak 2002: 168].

В надписи посвященной Кюль тегину (732 г.) сообщается, что на его похороны от народов, живущих в странах солнечного заката, Согда, Берчекера и Бухары пришли Нек сенгун и Огул тархан [Малов 1951: 43]. Возможно, это были представители тюркской аристократии в регионе, хотя не исключено, что это были согдийцы, носившие тюркские имена и звания. Согдийцы Дуньхуана, переселившиеся сюда из Согда в VII – VIII вв., в большинстве носили тюркские имена, причем имена они приобрели еще в метрополии [Чугуевский 1971: 153]. Нередко один и тот же житель Согда имел имя и прозвание: одно согдийское, а другое тюркское. Эти факты наглядно иллюстрируют сближение тюрков и полиэтничное население Согда.

Осевшая часть тюрков влилась в состав согдийского общества и внесла свой вклад в развитие местной культуры. Часть перешедших к оседлости тюрков, вероятно, приняла различные местные религиозные верования. Об этом, в частности, свидетельствует Феофилакт Симокатта, упоминающий тюрко-христиан VI в. из Бухарского оазиса [Симокатта 1996: 146].

Тесные тюрко-согдийские связи способствовали заимствованиям из тюркского языка в согдийский и наоборот. В ранних эпиграфических надписях древнетюркских каганов согдийский являлся официальным языком. В согдийских текстах мугских документов встречаются заимствования из тюркского языка. Например, «*yttuku*» – «посылать», «посольство», «*bediz*» – «резьба, орнамент» и др. [Лившиц 1989: 79 – 80]. В восточных областях Центральной Азии – Семиречье в раннем средневековье происходит переход к тюрко-согдийскому билингвализму, а позднее согдийский язык был полностью вытеснен тюркским языком, хотя и оказал влияние на фонетическую систему некоторых тюркских диалектов [Лившиц 2013: 62].

Присутствие тюркского населения в Согде подтверждается фактом наличия местностей с тюркскими названиями. Например, в мугском документе № 1 упоминается владение с тюркским названием «сары» – «желтый». Оно может быть сближено с таким названием, как Сарытаг – перевал и селение выше Искандар куля в Фанских горах, а также названием *арыка* Сары-су к северо-востоку от Иштихана [Лившиц 1962: 72]. К настоящему времени уже проведены более подробные исследования по древнетюркской топонимике Согда и сопредельных областей [Камолиддин 2006], поэтому в данной статье мы не приводим всех деталей.

По мнению исследователей, ярким показателем развития древнетюркской цивилизации была письменность [Кляшторный 2006: 564]. На территории Среднеазиатского междуречья обнаружено более 25 памятников древнетюркской рунической письменности. На горе Муг был также найден документ на древнетюркском языке. Несколько слов явно начинались с буквы *j*, что сигнализирует о йокающем диалекте, т.е. об обычном для рунических памятников литературном языке, близком к уйгурскому [Бернштам 1951: 68]. Формула обращения в письме близка к согдийским корреспонденциям из Восточного Туркестана IV в. н.э. Предполагается, что это было деловое письмо, вероятно, адресованное к одному из принадлежащих Диваштичу людей, сообщающее ему о каких-то хозяйственных делах, связанных с обслуживанием табунов лошадей [Бернштам 1951: 69, 71]. Руноподобные знаки фиксируются и на изображениях живописи Варахши [Шишкин 1963: 155, 164]. Более 60 сиро-тюркских надписей эпохи раннего средневековья обнаружены в горах близ Ургута [Мещерская, Пайкова 1981: 110]. Еще одна древнетюркская надпись была обнаружена к северу от Согда на южном склоне горы Кульджуктау (пустыня Кызылкумы, около 100 км севернее Бухары), в ущелье каньона Тоз-булак. По мнению И.Л. Кызласова тозбулакские руны – ближайшая аналогия надписи на известной ачикташской палочке. Он отдельно выделяет ачикташский алфавит, представленный в настоящее время тремя надписями [Кызласов 1994: 60 – 61]. Исследователи пришли к выводу о широком распространении грамотности у древних тюрков [Васильев 1980: 55, 57]. Памятники древнетюркской письменности свидетельствуют о развитии в раннем средневековье поэзии на древнетюркском языке [Стеблева 1965]. Следует заметить, что тюрки, проникшие в южные области – Тохаристан, использовали и другие виды письменностей: бактрийскую и пехлевийскую [Vondrovec 2010].

Тюркское присутствие в Согде, отраженное в письменных источниках, живописи, коропластике, типах вооружения остается малоизученным по чисто тюркским археологическим памятникам. Вероятно, число собственно алтайских тюрков в Согде было невелико. Пока мы имеем единственное на территории Согда древнетюркское погребение с конем, обнаруженное близ Самарканда. Для погребения характерна широтная ориентировка. Вскрыты и расчищены скелеты взрослого человека и коня, а также несколько металлических и керамических изделий, сопровождавших погребения [Спришевский 1951: 34, 36]. Она находит аналогии в кудыргинских материалах второй пол. VI – нач. VII в. [Овчинникова 1990: 220 – 221, рис. 53]. На костях конского черепа найдены 24 серебряные

бляшки, в челюстях стремя, на костях крупа бронзовая ажурная бляшка с изображением мифического животного [Спришевский 1951: 36]. Аналогии стремени из самаркандского погребения известны из Чуйской долины [Шер 1961: 280 – 281], а также и в кудыргинских памятниках [Гаврилова 1965: таб. XII, 10, 14]. По совокупности всех приведенных материалов самаркандское погребение следует датировать VI – первой пол. VII в., т.е. кудыргинским этапом культуры алтае-телеских тюрок.

Судя то находкам древнетюркских каменных изваяний на территории Тохаристана (Южный Таджикистан) [Жуков 1978; Соловьев 1985], вероятно, в Согде тоже существовали каменные скульптуры тюрок. Однако, к сожалению, до нас они не дошли.

Вооружение согдийцев VII – VIII вв. развивалось под воздействием тюркского. Пенджикентские настенные росписи, датированные, в основном, концом VI – нач. VIII вв., в сочетании с реальными вещами показывает, что вооружение согдийцев и тюрок было почти идентичным [Распопова 1980: 103].

Целиком тюркским влиянием объясняется появление наборных поясов в Согде. Для конца VI – VII вв. труднее проследить локальные отличия между поясами и сбруйными наборами Сибири, Центральной Азии и Восточной Европы. В VII в. эта типологическая общность распадается почти одновременно с разгромом тюркского государства китайцами. Для конца VII – VIII вв. поясные наборы Сибири, Семиречья и Согда выделяются в обособленную группу [Распопова 1980: 108]. Исследователи отмечают, что тюркские и согдийские части поясных наборов настолько близки, что трудно сказать, кем изготовлен тот или иной предмет – тюрком или согдийцем [Распопова 1980: 109].

Тюрко-согдийское взаимовлияние проявлялось в различных областях культуры. Наиболее ярко это проявилось в Семиречье, где происходили тесные тюрко-согдийские контакты. Тюркское влияние заметно на согдийской терракоте, антропоморфных изображениях. Так, налеп от оссуария, найденного в Семиречье (у Баласагуна) представляет собой воспроизведение в глине типичного древнетюркского изваяния, с той лишь разницей, что у нее в отличие от изваяний, прочерчены ноги с детализировкой ступки, обутой в мягкую обувь, в которую запрятаны широкие шаровары. В руках статуэтка держит вытянутой формы сосуд [Бернштам 1952: 139].

Влияние кочевой тюркской среды на материальную культуру Согда стало заметным в VII в. Усиливаются элементы кочевой культуры в орнаментации сосудов (изображение стрел, насечек, зооморфных элементов на ручках сосудов). В оттисках штампов на стенках сосудов преобладают лица с тюркскими чертами. Интересен симбиоз сасанидской культуры с тюрко-согдийской. Значительное количество керамики, повторяющей в глине формы сасанидских серебряных сосудов, имело оттиски не только плодов граната, но и лица тюркских правителей [Лебедева 1994: 28]. Влияние ранних тюркских традиций каменной скульптуры заметно в корoplastике из Бухарского оазиса [Muzio 2010: 433].

Ф.А.Заславская и В.А.Мешкерис на основе изучения терракотовых статуэток, образков Согда эпохи раннего средневековья определили отражение влияния древ-

нетюркского искусства в коропластике согдийцев: появились изображения тюркских воинов-всадников [Мешкерис 1977: 57].

Тюрки изображались не только в коропластике, но и в живописи Согда. Ярким примером является живопись Афрасиаба. По мнению Л.И. Альбаума самая многочисленная группа фигур на западной стене афрасиабской живописи представляет собой изображения тюрков [Альбаум 1975: 28]. Сравнивая изображения второй группы фигур в росписях Афрасиаба, с каменными изваяниями тюрков, можно найти много общего, что свидетельствует о тесных связях тюрков и согдийцев в VI – VIII вв. Нередко тюрки и согдийцы вместе изображались на предметах искусства [Vaissiere 2007: 103].

При исследовании тюрко-согдийских культурных взаимовлияний необходимо учитывать влияние культуры населения Китая и Восточного Туркестана на тюркскую аристократию, её толерантность и восприимчивость к определенным иноземным культурным традициям. Ярким подтверждением этой восприимчивости являются особенности погребальной архитектуры на примере древнетюркского мавзолея VII в. раскопанного в местности Майхан-ул в Монголии [Сарткожаулы, Очир, Эрдэнболд, Каржаубайулы 2012: 83].

В целом надо сказать, что господствующее положение тюрков в Центральной Азии делало их костюмы популярными на обширном пространстве. В этом случае в иногородней среде этнические знаки выступали как декоративный элемент, более того, костюм приобретал некоторые черты автохтонной среды. Например, тюркские кафтаны в живописи Афрасиаба не имели боковых разрезов на подоле, декоративной тканью обшивались только ворот и концы рукавов и в соответствии со стилем придворной одежды максимально удлинен. Но тюркская одежда в живописи Пенджикента уже имела боковые разрезы, обшитые декоративной тканью, декорируются полы и изменяется оформление ворота [Майтдинова 1992: 81]. Сравнение костюмов в живописи Афрасиаба (VII в.) с пенджикентскими (нач. VIII в.) привело исследователей к выводу о том, что в VII в. тюркская знать была представлена в костюме, который приобрел лишь некоторые черты костюма местного согдийского населения, а к нач. VIII в. он уже слился с согдийским [Лобачева 1979: 28].

В этот период протекают сложные процессы в сфере согдийского искусства, происходит столкновение двух противоположных направлений – искусства поздней античности и искусства кочевников – тюрков. В результате коренные изменения претерпевают древние традиции и рождаются новые этнические идеалы [Мешкерис 1962: 32].

Арабское нашествие притормозило процесс проникновения тюркоязычных племен в оседлые районы Среднеазиатского междуречья [Bregel 1991: 66], а с другой стороны способствовало более широкому распространению персидского языка, ставшего орудием мусульманской пропаганды. Полагают, что культура населения Согда, начиная с сер. VIII в., постепенно трансформируется и становится частью мусульманской цивилизации. Тюрко-согдийские связи получили свое завершение окончанием лингвистической ассимиляции согдийцев тюркоязычным населением в Семиречье и Восточном Туркестане в эпоху Махмуда ал-Кашгари [Лившиц 2013: 62].

Использованная литература

Альбаум 1975 – Альбаум Л.И., Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.

Бабаяров, Кубатин 2014 – Бабаяров Г., Кубатин А. Очерки по истории и нумизматике Западно-Тюркского каганата. Часть 1. Saarbrücken: LAP, 2014.

Баратова 1995 - Баратова Л.С. Древнетюркские монеты Средней Азии VI – IX вв. (типология, иконография, историческая интерпретация) / АР дисс. ... к.и.н. Ташкент, 1995.

Бартольд 2002 - Бартольд В.В. Работы по исторической географии. М.: Восточная литература, 2002.

Бернштам 1940 - Бернштам А.Н. Согдийская колонизация Семиречья // КС ИИМК, вып. 6. М., 1940. С. 34-43

Бернштам 1950 - Бернштам А.Н. Чуйская долина. Труды Семиреченской экспедиции / МИА СССР, вып. 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950.

Бернштам 1951 - Бернштам А.Н. Древнетюркский документ из Согда (предварительное сообщение) // ЭВ, вып. 5. М.: Издательство АН СССР, 1951. С.65 - 75

Бернштам 1952 - Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / МИА СССР, вып. 26. М.: Институт истории и материальной культуры АН СССР, 1952.

Васильев 1980 - Васильев Д.Д. О распространении грамотности у древних тюрков // Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М.: Наука, 1980. С. 53- 59

Гаврилова 1965 - Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965.

Гумилев 1967 - Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.

Жуков 1978 - Жуков В.Д. Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане // МКТ, вып. 3. Душанбе: Дониш, 1978. С. 120 - 121

Кадырова 1965 - Кадырова Т. Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане в VIII – начале IX в. Ташкент: Фан, 1965.

Камалиддинов, Мухаммедов 1997 - Камалиддинов Ш.С., Мухаммедов У.З. Новые данные по истории Средней Азии эпохи арабских завоеваний // ОНУ, 1997, № 12.

Камолиддин 2006 - Камолиддин Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии. Ташкент: Шарк, 2006.

Кляшторный, Лившиц 1971 - Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // СНВ, вып. 10. М.: Наука, 1971. С. 121 - 146

Кляшторный 1977 - Кляшторный С.Г. Древние города Монголии // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977. С. 64-65

Кляшторный 2006 - Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006.

Кляшторный 2011 - Кляшторный С.Г. Сирийское имя согдийского вельможи в древнетюркском тексте из Тувы // Тюркологический сборник 2009 – 2010:

Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2011. С. 197-201

Кляшторный, Савинов 1990 - Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Древнетюркские этнополитические объединения и их роль в этногенезе Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 1. М., 1990. С. 98-104

Кляшторный, Савинов 2005 - Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005

Кошеленко, Массон 1989 - Кошеленко Г.А., Массон М.Е. Древние цивилизации Средней Азии. // Древние цивилизации / Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Мысль, 1989

Кызласов 1994 - Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994.

Кызласов 1987 - Кызласов Л.Р. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / ТД советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 176

Лебедева 1994 - Лебедева Т.И. Сельская округа и ее роль в формировании раннесредневекового Самарканда (по материалам сельской округа Самарканда) / АР дисс. ... к.и.н. Ташкент, 1994.

Лившиц 1962 - Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Юридические документы и письма. М.: Наука, 1962.

Лившиц 1989 - Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства // Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 78 - 85

Лившиц 2008 - Лившиц В.А. История изучения Согда // Рахмат-наме: Сборник статей к 70-летию Р.Р.Рахимова / Отв. ред. М.Е. Резван. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, 2008. С. 184-202

Лившиц 2013 - Лившиц В.А. Согдийско-тюркские лингвистические контакты // Лавровский сборник. Материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-кавказских чтений 2012 – 2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2013.

Лобачева 1979 - Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 18 - 47

Лурье 2013 - Лурье П.Б. Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья // Тюркологический сборник 2011 – 2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Восточная литература, 2013. С. 220 - 230

Майтдинова 1992 - Майтдинова Г.М. Этнические знаки в раннесредневековом костюме населения Средней Азии // Средняя Азия и мировая цивилизация. Ташкент, 1992. С. 80 - 81

Маликов 2000 - Маликов А.М. Тюрки Среднеазиатского междуречья в VI – VIII вв. (по археологическим материалам и письменным источникам) / АР дисс. ... к.и.н. Самарканд, 2000.

Малов 1951 - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951.

Малявкин 1988 - Малявкин А.Г. Согдийский торговый союз // Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 15. М.: Наука, 1988. С. 50 - 54

Малявкин 1989 - Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1989.

Маршак 1971 - Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, 1971

Массон 1990 - Массон В.М., Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе: Илим, 1990.

Массон 2006 - Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

Мешкерис 1962 - Мешкерис В.А. Терракоты Самаркандского музея. Каталог. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962.

Мешкерис 1977 - Мешкерис В.А. Коропластика Согда. Душанбе: Дониш, 1977.

Мещерская, Пайкова 1981 - Мещерская Е.Н., Пайкова А.В. Сиро-тюркские наскальные надписи из Ургута // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М.: Наука, 1981. С. 109 - 110

Овчинникова 1990 - Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X веках. Свердловск: УрГУ, 1990.

Отахўжаев 2010 - Отахўжаев А.М. Илк ўрта асрлар Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабатлари. Тошкент: ART-FLEX, 2010.

Распопова 1980 - Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.

Ртвеладзе, Саидов, Абдуллаев 2000 - Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллаев Е.В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Ташкент: Адолат, 2000.

Ртвеладзе 2005 - Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2005.

Сарткожаулы, Очир, Эрдэнболд, Каржаубайулы 2012 - Сарткожаулы К., Очир А.Р., Эрдэнболд Р., Каржаубайулы Ж. Древнетюркский мавзолей раннего средневековья (предварительный обзор) // Вопросы тюркологии, 2012, № 2. С. 80 - 94

Симокатта 1996 - Симокатта Феофилакт. История / Перевод С.П. Кондратьева. М.: Арктос-Вика-пресс, 1996.

Смирнова 1963 - Смирнова О.И. К вопросу о языке легенд на тюркешских монетах // Тюркологические исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 265 - 272

Смирнова 1981 - Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981.

Соловьев 1985 - Соловьев В.С. Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане // СА, 1985, № 2. С. 246-248

Спришевский 1951 - Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тысячелетия н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 1951. С. 33 - 42

Ставиский 2004 - Ставиский Б.Я. Открытие согдийской цивилизации IV-IX веков и её характерные особенности // Древности Востока. Сборник к 80-летию Л.Р. Кызласова. М.: Русаки, 2004. С. 38-46

Стеблева 1965 - Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI – VIII веков. М.: Наука, 1965.

ат-Табари 1987 - «История» ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с арабского В.И.Беляева. Дополнения к переводу О.Г.Большакова и А.Б.Халидова. Ташкент: Фан, 1987.

Хазанов 2002 - Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Издание 3-е, дополненное. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Хакимов 2004 – Хакимов А. К характеристике стиля раннесредневекового искусства Согда // Санъат, 2004, №3. http://sanat.orexca.com/2004-rus/2004-3-2/history_art2-25/

Чугуевский 1971 - Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // СНВ, вып. 10. М.: Наука, 1971.

Шер 1961 - Шер Я.А. Погребение с конем в Чуйской долине // СА, 1961, № 1. С. 280-282

Шишкин 1963 - Шишкин В.А. Варахша. М.: издательство АН СССР, 1963.

Шишкина, Сулейманов, Кошеленко 1985 - Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошеленко Г.А. Согд // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г.А.Кошеленко. М.: Наука, 1985. С. 273 - 292

Шониёзов 2001 - Шониёзов К. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. Тошкент: Шарқ, 2001.

Шювен 1995 - Шювен П., О византийских посольствах к первым тюркским правителям Согда (Проблема ономастики и топонимики) // ОНУ, 1995, № 1-2-3. С. 33-38

Bregel 1951 - Bregel Yuri. Turko-Mongol influences in Central Asia // Turco-Persia in Historical Perspective / Edited by R. Canfield. Cambridge University Press, 1991, p. 53 - 77.

Vaissière 2003 - Etienne de la Vaissiere. Is there a “Nationality of the Hephtalites?” // Bulletin of the Asia institute. New series, vol. 17. 2003 [2007], p. 119 – 132.

Vaissière 2005 - Etienne de la Vaissiere. Sogdian traders / Translated by James Ward. Leiden: E.J.Brill, 2005.

Vaissière 2007 - Etienne de la Vaissiere. Samarcande et Samara. Elites d’Asie Centrale dans L’empire Abbaside. Paris: Association pour L’avancement des etudes Iraniennes, 2007.

Frye, Sayili 1945 - Frye Richard N., Sayili A.M. The Turks in Khurasan and Transoxania at the time of the Arab conquest // The Muslim World, vol. 35. Issue 4, p. 308 – 315, October 1945, p. 308 - 315.

Hayashi 2003 - Hayashi Toshio. Sogdian Influences Seen on Turkic Stone Statues Focusing on the Fingers Representations. 2003, <http://www.transoxiana.org/Eran/articles/hayashi.html>

Marshak 2002 - Marshak Boris. Legends, tales and fables in the art of Sogdiana with an appendix by V.A. Livshits. New York: Bibliotheca Persica Press, 2002.

Muzio 2010 - Muzio Ciro Lo. Archaeological Traces of Early Turks // Transoxiana: An overview in Coins, art, and chronology. II: The first millennium C.E. in the Indo-Iranian borderlands. Wien: ÖAW, 2010, p. 429 - 442

Pulleyblank 1952 - Pulleyblank Edwin G., A Sogdian Colony in Inner Mongolia // T'oung Pao, Second Series, vol. 41, Livr. 4/5 (1952), p. 317 – 356.

Skaff 2003 - Skaff Jonathan Karam. The Sogdian Trade Diaspora in East Turkestan during the Seventh and Eighth Centuries // Journal of the Economic and Social History of the Orient, vol. 46, No. 4 (2003), p. 475 – 524.

Stark 2008 - Stark Sören. On oq budun. The Western Turk Qaganate and the Ashina clan // AEMA / Edited by Th.Allsen, P.B.Golden, R.K.Kovalev, A.P.Martinez 15 (2006-2007). Harrassowitz Verlag Wiesbaden, 2008.

Stark 2009 - Stark Sören. Some remarks on the headgear of the royal Türks // Journal of Inner Asian Art and Archaeology 4 (2009), p. 159 - 172

Vondrovec 2010 - Vondrovec Klaus. Coinage of the Nezak // Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands / Edited by Michael Alam, Deborah E. Klimburg-Salter, Minoru Inaba, M. Pfisterer. Wien: Logo des Akademie verlags, 2010, p. 169 - 190

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук

АР – Автореферат

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КС – Краткие сообщения

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МКТ – Материальная культура Таджикистана

ОНУ – Общественные науки в Узбекистане

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология

СНВ – Страны и народы Востока

ТД – Тезисы докладов

АЕМА – Archivum Eurasiae Medii Aevi

LAP – LAMBERT Academic Publishing

ÖAW – Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften